

БЕЛОРУСИЗМЫ В ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.ГОРЕЦКОГО

Язык художественной литературы всегда был предметом внимания филологов. Сегодня особенно актуальным является сопоставительное изучение лексики в различных ее семантических и грамматических проявлениях в языке оригинальных художественных произведений и в их переводах на другой язык. Известно, что перевод — процесс творческий, в ходе которого переводчик из большого количества выразительных средств вправе выбрать те, которые, по его мнению, наиболее полно соответствуют содержанию оригинала. Выбор художественных средств, в частности белорусизмов, является результатом сознательного их использования с художественными целями. Проблема функционирования белорусской лексики в переводах произведений М. Горецкого на русский язык не получила освещения в отечественной лингвистике.

Цель исследования заключается в выявлении стилистической роли белорусизмов в переводных текстах произведений М. Горецкого, в определении основных способов толкования их лексического значения.

Одной из отличительных черт переводов произведений М. Горецкого на русский язык является широкое использование в них белорусской лексики, что в значительной степени объясняется тем белорусским материалом, на котором строятся все его произведения. Умелое применение переводчиком белорусизмов содействует созданию выразительных речевых, психологических характеристик персонажей, углубленному описанию той или иной ситуации, обстановки, в которой действуют герои М. Горецкого, способствует созданию колоритных образов и реальных картин быта. В переводных текстах белорусизмы могут выполнять разнообразнейшие функции.

Как средство речевой индивидуализации и типизации выступают белорусизмы (литературные и диалектные), которые отличаются от соответствующих русских эквивалентов словообразовательными элементами: *девчинка* (рус. *девушка*), *буфетница* (рус. *буфетчица*), *шептуха* (рус. *шептунья*), *дедуся*, *дедуня* (рус. *дедуля*, *дедушка*), *прибыток* (рус. *прибыль*), *телушка* (рус. *телка*), *матка* (рус. *мать*), *помер* (рус. *умер*) и др.:

«Война, *дедуня*» [1, с. 90]. «Правда, трудолюбив, как пчела, а хозяйство у него не ладится, *прибытку* не приносит никакого» [2, с. 150]. «Суежилась *буфетница*» [2; с. 98]. «Потом подросли сватыны братья, молоденькая и красивенькая *девчинка* — племянница свата» [2, с.37].

В качестве средства стилизации речи персонажей, сближения ее с народно-разговорной устной речью, создания речевой экспрессии в диалогах и монологах героев произведений используется свойственная белорусскому языку (его разговорной форме) форма звательного падежа:

«*Деду*, родненький, что ж это получается?» [1, с. 36]. «Жив ли ты еще на свете, *brate* мой Стефане?» [2, с. 270].

С целью создания социально-психологического портрета героя, индивидуализации его речи автор использует сочетание белорусских и русских слов в речи одного и того же персонажа (этот же прием сохраняется и в переводном тексте). Приведем пример из романа «На империалистической войне», в котором

получила отражение сложная социально-политическая и языковая ситуация в Беларуси начала XX в.:

«Попробовал сегодня просветить одного солдата-белоруса из нашего пехотного прикрытия. Прочитал ему отрывок из «Летописцев».

– Вот саусим па-простаму, дзеравенски язык. Як его? Маларасийски завуць, ци што?

– А у вас как говорят?

– И у нас так: ни по-польски, ни по-русски.

– Вы католик-белорус?

– Ага... мы польской веры, польские.

Читаю ему: «Даражэньки сынок!» — и дальше из рассказа.

— Так у вас говорят? Или, может быть, не так?

— Так, так... Точно так... Ха-ха-ха!

Трагический смех! [2, с. 274].

Описывая насильственное обучение в белорусских школах на русском языке, М. Горецкий также прибегает к двуязычным номинациям:

— Ты, оказывается, и молиться не умеешь и читать не умеешь, и *скворушку* ты не видел... Скверно, брат, скверно!

— Про *скворца* читают только в третьем отделении, ваше высокопреподобие! — наконец осмеливается заметить учитель.

— Нет, брат, скверно! — сердится благочинный, после чего спрашивает Хомку:

— А что такое *шпак*?

— Птичка... — робко шепчет Хомка и неожиданно улыбается, перенесясь мыслями в тенистый лес, где летом в орешнике так и шныряют *шпаки* и дрозды.

– Знай же, братец: это по-вашему, по-мужицкому, *скворец* называется *шпаком*... Он-то и есть тот самый *шпак*... Э, да ты и сам порядочный *шпак*!

– Хомка! Шпак! Хомка Шпак! — дразнят теперь озорные мальчишки Хомку, на этот год отставленного от школы и от ученья [2, с. 154].

Такие двуязычные номинации — важный структурный элемент диалогической речи между носителями разных языков, которая организовывается вокруг одного и того же понятия, имеющего в этих языках разные наименования.

Использование в речи героев русских и белорусских слов помогает автору создать сатирические, даже иронические ситуации:

– *До свидания!* — говорили ученики, уходя домой. И в своей веселой ватаге посмеивались: «*До свистания! До снадання!*» [2, с. 159].

Еще эпизод:

— Теперь запоминайте те слова, которых надо остерегаться. Для всех отделений — три слова: *як, дык, хай*. Повторите все несколько раз эти слова. Ну!

— *Як, дык, хай! Як, дык, хай!* — зашумели заинтересованные ученики...

— *Як, дык, хай, якдыкхай, якдыкхай, якдыкхай!*.. — все быстрее и громче повторялось в классе. Одни хыкали, будто кашляла овечка: *дыкх, дыкх, дыкх!*.. Другие гавкали, словно охотничьи собаки в лесу: *явк, явк, явк!*.. Третьи разогнались во всю прыть, будто колеса застучали под вагонами на полном ходу поезда: *дыкхта, дыкхта, дыкхта!*..

Тогда учитель прошел к первому отделению и спросил Хомку:

– Ты бежал *как* заяц... Ну, скажи это же самое по-правильному?..

– Ты бежал *як* заяц, господин учитель!

Все третье отделение и часть хлопчиков из второго — захохотали. Учитель сморщился.

— Ну, а ты? — обратился он с тем же вопросом к Марыльке.

— *Як здыхав*, — ответила Марылька. Была она и так затурканая девочка, а сейчас и вовсе отупела [2, с. 156—157].

В приведенных примерах отчетливо проявляется мастерство писателя, его умение с помощью саркастического и ироничного смеха показать трагическое в народной жизни, показать национальный характер, о котором Купала сказал: ты, белорус, «умееш там смяцца, дзе кроўю плакаў бы другі».

В качестве средства речевой характеристики персонажей выступают и иноязычные вкрапления, которые оформляются русскими графическими средствами:

«Только без *млека*, иначе не хватит пану вольноопределяющемуся» [2, с. 272]; «Когда будет в Польше свой *круль*, вот тогда пан Маслов свое получит» [2, с. 272]; «Что ж... На мой век жидов *вытарчшип* (хватит)» [2, с. 275].

Я попросил:

— Прошам *донас* (хлеб), *сурыс* (*сыр*), *гена* (молоко), *кявшине* (яйца), *яблокас* (это слово «по-литовски» я создал сам) ... *Пинегу*, *пинегу* (деньги)! — закричал я, чтобы не подумала, что даром хсчу. На этом мой запас слов был исчерпан.

— *Нека нейра... нека нейра* (ничего нет)! — ответила она вежливо [2, с. 282].

Иноязычные вкрапления используются и в авторской речи:

«Пан писарь Маслов засыпал меня *тшепрашами*, *пане-пане*, *проше пана*» [2, с. 27]. «Охромел он «с того самого *шесть дёсент тшецега року*» [2, с. 330].

В речи персонажей М. Горьцкого встречаются слова, которые только начинают входить в их речевой обиход, порой не всегда их значение понятно самим говорящим:

«Слушает *самскралов* всяких (так отец называл всех демократов и вообще вольнодумцев). *Самократские* книжки читает!» [2, с. 61].

Хрипит испуганно и дико:

— *Хвершила* \ Носилки! [2, с. 278].

Пришел ездовой Марчук, здоровенный мужчинец с сочной, но грубоватой белорусской речью. Он говорит:

— Кудой плывец *ероплант*, тудой ён и шпокае. А *ероплант* крутицца над нами, як каршун над падлаю [2, с. 232].

Фонетическое оформление таких слов свидетельствует об уровне образованности, грамотности персонажей, помогает автору индивидуализировать их речь.

Использование белорусизмов различных лексико-семантических групп помогает автору в создании национального колорита. Такие слова встречаются как в авторской речи, так и в речи персонажей: *корец* — деревянный или металлический ковш с ручкой; *горелка* — крепкий алкогольный напиток; *рушник* — узкий продолговатый кусок ткани для вытирания лица, рук или посуды; *запечек* — место между стеной и печью; *загнетка* — ямка в печи, куда загребают жар; *кварта* — металлическая посуда с ручкой, из которой пьют воду, квас; *местечко* —

поселение полугородского типа; *коза* — приспособление для катания с горы; *крупеня* — перловый суп; *подпенок* — чересседельник; *копанники* — полозья для саней из ствола дерева, выкопанного с корневым отростком; *уруга* — заливной луг; *фурманка* — подвода для перевозки грузов; *вечерки* — вечерние сборы сельской молодежи для совместной работы или развлечений и т. д.:

«А рано утром по дорогам потянулись на сборный пункт *фурманки*» [2, с. 190]; «Мать сняла ему с *загнетки* чугуна с теплой водой» [2; 108]; «Ветер влетал через двери и раскачивал бахромчатый конец белого *рушника*» [2, с. 126].

Толкование некоторых белорусизмов дает сам автор: «Взяла ребенка, еще сильнее захлипала и полезла на запечек, не поев *крупени* — перлового супа» [2, с. 321]; «...примостился на четвереньках в дырявых *«копанниках»* (санях не из гнутых, а выкопанных в лесу кривых корней, полозьев) и шуганет свою тощую, заиндедевшую, лохматую лошаденку» [2, с. 142]; «Речь шла, как понял Хомка, о *подпинке*, как здесь называют чересседельник» [2, с. 168]; «На помосте лежали желтые березовые листья и множество *летучек* — березовых семян» [2, с. 126].

Для объяснения некоторых диалектных слов автор использует спаренные слова-эквиваленты — общеупотребительное и диалектное: «...к будке подошел дед с целой охапкой дудочек-*посвистелей*» [2, с. 187]. Встречаются также и авторские комментарии некоторых белорусских топонимических названий: «Привели они, мерещится ему, коней пасти в *Ботки* (так называют у них болото: вылезает из него всегда с черными от грязи *Ботиками* на ногах, как из лучшей гамбургской кожи)» [2, с. 162]. Часто в переводных текстах произведений М. Горьцкого встречаются комментарии переводчиков, которые могут осуществляться как в самом тексте перевода, так и в специальных сносках: «С поля возвращаются чьи-то дети, мальчик и девочка, несут подвешенные на палке порожние обеденные *«спарыши»* — спаренные глиняные судки» [2, с. 18]. — «Яшчэ ідуць з поля нечыя дзеці, хлопчык і дзяўчынка, і нясуць напавірку, на кіі, пустыя абедачнікі-спарышы ў махрастых раскарачах» [3, с. 301].

Созданию национального колорита содействуют и различные наименования — названия белорусских национальных песен, игр и танцев: *трясуха*, *лявони́ха*, *метелица*, *мазурка* (бел. *мазур*), *шлепушки* (бел. *лёпушкі*):

«...асмолыды ...весело скачут *«Трясуху»* и *«Лявони́ху»*, толкут, что всамделишные комары, мак, вихрем мчатся в *«Метелице»* [2, с. 144]. «После *«шлепушек»* играли в менее грубую игру, в *исповедь*. ...Играли у Задум тем вечером долго и в разные игры. Между прочим, *«сеяли, хмель»* [2, с. 41].

Использованные в оригинальных и переводных текстах полонизмы способствуют воссозданию исторического колорита: *фольварк*, *паненка*, *пани*, *войт* и др.:

«А почему эти *паненки* говорят по-польски, если они у вас такие чистые белоруски? — невольно поинтересовался Лявон» [2, с. 89]; «...давеча *пан войт* помер» [1, с. 37].

Среди лексических белорусизмов, встречающихся в переводных текстах произведений М. Горьцкого, следует отметить слова, которые имеются в русском языке (имеют ограничительные пометы сферы их употребления): *вечерять*, *гомонить*, *думка*, *подмога*, *година*, *селитьба*, *хвороба*, *хата*, *шлях*, *гневаться*, *камень молодица*, *молодуха*, *хлопец*, *кулеши*, *криница*, *дядька*, *закуток поспеть*, *накупиться*, *теперешний*, *чертенята*, *мастак* и др.:

«Только ты не *гневайся*, что я даю тебе такие наказания...» [1, с. 38]. «Заглох знаменитый некогда *шлях*» [2, с. 139].

Особое место в переводах произведений М. Горьцкого занимает белорусская безэквивалентная лексика, т. е. слова белорусского языка, не имеющие соответствующих эквивалентов в русском языке: *толока*, *перун*, *песняр*, *сполохи*, *трясца*:

«После обеда мы *толокой*... вырыли для себя новый телефонный окоп» [2, с. 279]. «Побиты *перунами* придорожные березы» [2, с. 139]. «Не *трясцу* трясешь — сам принесешь» [2, с. 32].

Таким образом, белорусизмы в переводных текстах произведений М. Горьцкого выполняют важные стилистические функции — служат средством речевой характеристики персонажей помогают воссозданию исторического колорита, созданию ярки картин быта и жизни белорусского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горьцкий М. Красные розы: Избранное. Мн., 1976.
2. Горьцкий М. Избранное. Мн., 1989.
3. Гарэцкі М. Творы: Апавяданні, аповесці. Мн., 1995.
4. Гарэцкі М. Збор твораў: У 4 т. Мн., 1985.
5. Гируцкий А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Мн., 1990.
6. Міхневіч А. Я., Гіруцкі А. А. Вазьмі маё Слова...: Нататкі аб лексічным узаемаўплыве беларускай і рускай моў у кантэксце ўзаемадзеяння культур. Мн., 1990.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы //Пад рэд. М.Р. Судніка, М. Н. Крыўко. Мн., 1996.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.